

Доктор Иоганнес Вахтен, зам.директора  
Еврейского музея Франкфурта-на-Майне  
Статья для каталога выставки "В поисках голубой нити",  
Национальный музей Украины, Киев, сентябрь 2004г.

Выставка организована Людвиг –музеем, г.Кобленц, муниципалитетом г.Кобленц,  
украинским отделением Еврейского Агентства "Сохнут"

## Анатолий Шелест и Библия

1.

Анатолий Шелест с большой серьезностью подходит к постижению иудаизма. Благодаря одному издательскому заказу он открывает для себя Библию. Он читает ее, читает на свой манер, вдохновляется ею.

Ключевой текст он находит в Четвертой книге Моисеевой (Числ. 15, 37-41) в завете сынам Израилевым сделать кисти из нитей шерсти на краях одежд для постоянного напоминания о заповедях Господних. Цвет кистей обозначается словом «тхелет». Значение этого еврейского слова колеблется между синим и красным, что позволяет перевести его и как "небесно-голубой", и как «пурпурно-фиолетовый».

Числ. 15, 37-41 гласит:

«(37) И сказал Господь Моисею, говоря: (38) Объяви сынам Израилевым и скажи им, чтоб они делали себе кисти на краях одежд своих в роды их, и в кисти, которые на краях, вставляли нити из голубой шерсти. (39) И будут они в кистях у вас для того, чтобы вы, смотря на них, вспоминали все заповеди Господни, и исполняли их, и не ходили вслед сердца вашего и очей ваших, которые влекут вас к блудодействию, (40) Чтобы вы помнили и исполняли все заповеди Мои и были святы пред Богом вашим. (41) Я Господь, Бог ваш, который вывел вас из земли Египетской, чтобы быть вашим Богом: Я Господь, Бог ваш».

Этот текст входит также в ежедневную молитву благочестивых евреев, находится – наряду с другими текстами – и в коробочке тфилина, и в мезузе, которую принято вывешивать на дверях и воротах еврейского дома.

В своей работе «В поисках голубой нити» Шелест использует нить «тхелет» как «красную» нить для ориентации в лабиринте иудейских традиций.

Чтение Торы – Пятикнижия - рождает у него мысль создать пять композиций, как своеобразное толкование пяти книг Торы. Он называет их: «В начале», «Колена», «Страна», «Воинства» и «Иерусалим» и, таким образом, отходит, за исключением первой, от традиционного деления на «Бытие», «Исход», «Левит», «Числа» и «Второзаконие» или по-еврейски «Бырэйт», «Бымидбар», «Ваикра», «Шемот» и «Дыварим».

Название своих пяти книг он ассоциативно подкрепляет избранными библейскими стихами:

1. «В начале». Сотворение земли и людей – Стихи: Быт. 2,1; 2,7; 5,1-2.
2. «Колена». Сотворение еврейского народа – Стихи: Быт. 49,28; 50,24; Исх. 1,1-7.
3. «Страна, текущая молоком и медом» – Стихи: Втор. 8,7-9; 11,11-12; 31,7.
4. «Воинства». Землю обетованную необходимо завоевать и защищать – Стихи: Втор. 20,2-8.
5. «Иерусалим». Святой город между землей и небом – Стихи: Ис. 2,2-3; Пс. 122, 2-6.

Эти сопровождающие стихи не взяты, однако, равномерно из всего Пятикнижия. Книги «Левит»/«Ваикра» и «Числа»/«Шемот» вообще не цитируются, в то время как дополнительно взято по одному стиху из «Пророков» и «Писаний», а именно из «Книги Пророка Исаяи» и из «Псалмов» для пятой серии - «Иерусалим». Шелест следует, таким образом, раввинскому методу интерпретации текстов, который позволяет каждый отдельный библейский стих объяснить через любой другой отрывок из Библии.

Интересно отметить, что Шелест в четвертой композиции «Воинства» для поддержки доктрины завоевания и защиты земли Израиля, которую он выделяет в заглавии серии, цитирует стихи, которые скорее негативно подкрепляют это притязание, поскольку в них почти исключительно определяются критерии для освобождения от военной службы.

## 2

Шелест – это *homo viator*, странник, мигрант – все в одном. Его жизненный путь доныне проходил из Киева через Среднюю Азию в Рейнланд-Пфальц. Обстоятельства жизни современного кочевника привели его, наряду с христианством, к встрече с другой, восходящей к Аврааму, религией откровения – исламом, который открылся ему, прежде всего, в форме суфизма, что побудило его к изучению общих истоков. А уже через суфизм он приходит к конечному, как ему представляется, пункту своих духовных странствий – к иудаизму.

Свои "пять книг" он воплотил в медитативную пространственную инсталляцию. При этом он ориентируется на скинию собрания – переносной храм периода сорокалетнего блуждания народа Израиля по пустыне. Она была изготовлена Бецалелем, которого Бог «исполнил... Духом Божиим, мудростью, разумением, ведением и всяким искусством, работать из золота, серебра и меди, резать камни для вставляния и резать дерево для всякого дела» (Исх. 31, 3-5), Бог же персонально призвал Бецалееля для исполнения этой миссии. Скиния собрания или скиния откровения служила местом присутствия Бога среди своего народа.

В Шелесте, как и в других художниках, можно видеть преемника Бецалееля. Его «скиния» составлена из различных панелей, на которые он, как писмена, наносит абстрактные пятна, в которых можно разглядеть и буквы еврейского алфавита и образы библейских пророков. В технике ксерографии он копирует или репродуцирует листы монотипий, повторяет их, комбинирует их, но не составляет их в слова или морфемы. Он придерживается только характера их графемы и не использует их в качестве звукового носителя фонемы. Он открывает свою изобразительную праматерию, и творит с ее помощью совершенно необычное текстовое полотно. Создает абсолютно уникальный художественный прием, который не похож ни на один из известных методов художественного выражения.

Он представляет нам в определенной степени знаковый инвентарь Святого Писания, Божьего откровения людям. В буквенно-мистическом или каббалистическом трепете он довольствуется демонстрацией этого инвентаря, не используя его конкретно, оставляя, таким образом, все комбинационные и интерпретационные возможности открытыми.

Но то, что на первый взгляд выглядит как личное откровение, воплощенное Шелестом, уже претендует на универсальный изобразительный язык

Вневременное черно-белое во времена красочности, которой так заждались, может представлять сознательное ограничение до некоего минимума, и таким образом, вневременную значимость, одновременно отсылая к ранним этнографическим работам художника. Панели в "скинии" Шелеста фиксируются шнурами с привязанными к ним камнями – как шатры кочевников. С одной стороны, это наталкивает на реминисценцию со скитаниями по пустыне народа Израиля, с другой - напоминает юрту среднеазиатских кочевников. Этой инсталляцией Шелест интуитивно стирает

этнографическую границу между народами без письменности и теми, кто создал (или перенял) письмо, посредством которого передал основы современной цивилизации.

3

Не каждое письменное свидетельство, является одновременно Святым Писанием, каким бы древним оно не было. Но поиск тайного смысла еврейской Библии и есть та «голубая нить», которую пытается найти Анатолий Шелест. Он относится к своим монотипиям с их "самопроявившимися" буквами и образами, как к чуду, но без всякого высокомерия. Он, в отличие от многих современных художников, не желает предлагать новое откровение. Анатолий Шелест занимается толкованием текстов, которые святы для него и всего "народа Книги" и "народов книг". Панели его шатра несут вневременные знаки его собственного пятикнижия.

Homo viator Анатолий Шелест несомненно достиг этой работой этапной цели «в поисках утерянного времени», которая в конечном счете лежит в основе его "поиска голубой нити".

Йоханнес Вахтен,  
Франкфурт-на-Майне  
2004

Перевод Валентины Апро.